

На правах рукописи

Родионова Эльби Витальевна

**ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Специальность 10.01.02 – Литература народов
Российской Федерации (чувашская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары – 2016

Работа выполнена на кафедре чувашской филологии и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Научный
руководитель –

Ермакова Галина Алексеевна,
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры чувашской филологии и культуры

Официальные
оппоненты:

Закирзянов Альфат Магсумзянович,
доктор филологических наук, доцент, федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Казанский
(Приволжский) федеральный университет», кафедра
татарской литературы, заведующий

Антонов Юрий Григорьевич,
доктор филологических наук, доцент,
федеральное государственное бюджетное образо-
вательное учреждение высшего профессиональ-
ного образования «Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева», кафедра финно-
угорских литератур, заведующий

Ведущая
организация –

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессио-
нального образования «Чувашский государствен-
ный педагогический университет имени
И.Я. Яковлева»

Защита состоится 15 апреля 2016 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседания Ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 15 февраля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.М. Иванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации определяется тем, что XX век требует целостного видения, определения своей неповторимой уникальности вместе со всеми достижениями и падениями, происходившими в общероссийском пространстве двадцатого столетия. Такие обобщающие научные разработки нужны и в сфере чувашской литературоведческой мысли. Проблема актуализируется ее включенностью в Республиканскую целевую программу «Культура Чувашии: 2010–2020 годы», в которой предусмотрено создание и издание коллективной монографии «История чувашской литературы XX века»¹. В первой части указанного труда рассмотрена история чувашского литературоведения только первой половины XX в. Поэтому весьма назревшей задачей для современного исследователя является написание истории и по второй половине XX в.

Степень изученности темы. Наука о чувашской литературе второй половины XX в. до настоящего времени оставалась не изученной, кроме отдельных статей Н. Павлова², Ю. Артемьева³, Ю. Григорьева⁴, В. Эзенкина⁵ и других исследователей⁶. Можно

---

¹ Коллективный труд разрабатывает Чувашский государственный институт гуманитарных наук с конца 2009 г. Первая часть монографии издана в 2015 г. См.: История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900–1955 годы): коллектив. моногр. / В. Г. Родионов, Г. И. Федоров, А. Ф. Мышкина [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 431 с.

² Павлов, Н. Обзор работ по чувашскому литературоведению за 1963–1966 гг. / Н. Павлов // Учен. зап. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1967. – Вып. 34. – С. 205–216.

³ Артемьев, Ю. Задачи по плечу / Ю. Артемьев // Лит. Россия. – 1980. – 29 февр.; Артемьев, Ю. Чёрё критика аста? / Ю. Артемьев // Таван Атӑл. – 1990. – 2 №. – 51 с.

⁴ Григорьев, Ю. Обзор чувашского литературоведения за 1963–1966 гг. / Ю. Григорьев // Учен. зап. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1967. – Вып. 34 : Филология. – С. 186–193.

⁵ Эзенкин, В. Обзор работ по чувашскому литературоведению за 1970–1972 гг. / В. Эзенкин // Чувашский язык, литература и фольклор: сб. ст. – Чебоксары, 1974. – Вып. 3. – С. 233–250. Эзенкин, В. Теория литературы и критика в системе литературного образования / В. Эзенкин // Высшая школа – народному хозяйству Чувашии: тез. докл. – Чебоксары, 1992. – С. 94–95.

указать ряд очерков Н. Павлова⁷ и учебных пособий В. Эзенкина⁸, но в них исследовательский материал ограничен начальными периодами и анализирован с позиции устарелых методов, сама история литературоведения показана не в ее динамике и противоречиях. В частности, монография Н. Павлова охватывает лишь первое десятилетие исследуемых в данной диссертации этапов становления современного литературоведения. Работа ученого от начала до конца написана с точки зрения марксистско-ленинской эстетики и так называемой «теории о двух культурах». Подобный подход устарел в доперестроечные годы и был раскритикован еще в 1980 г. В книгах В. Эзенкина рассматривается чувашская литературная критика 50–70-х годов прошлого столетия. Труды написаны с позиции «нейтрального наблюдателя», без аксиологических оценок и без выявления движущих сил в науке о литературе. Уровень современного чувашского литературоведения требует написания ее истории путем показа столкновений новаторов с консерваторами, сторонников комплексного художественно-поэтического анализа с последователями вульгарного социологизма. Здесь не обойтись без ввода в научный оборот тех новых документов, которые ярко отражают противоречия, существовавшие между противостоявшими друг другу в советскую эпоху силами. Вот почему в диссертации широко используются воспоминания и письма писателей, их отдельные произведения. Кроме того, своеобразие национального литературоведения, с позиции современной науки, лучше всего обнаруживается в сравнении с аналогичными объектами науки региона и всей страны. Указанные факторы оказали влияние на выбор темы и метода исследования диссертационного исследования.

---

⁶ Родионов, В. Вăхăт тивĕçĕ / В. Родионов // Тăван Атăл. – 1988. – 4 №. – 49–53 с.; Александров, С. А. 1970–1980-мĕш сÛлсенчи литературоведенипе критикари тÛнтер социологин хăш-пĕр енĕсем / С. А. Александров // Сăнар: тĕпчевсем. – Шупашкар, 2000. – 116–132 с.

⁷ Павлов, Н. С. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики / Н. С. Павлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 148 с.

⁸ Эзенкин, В. С. Чăваш литературоведенийĕпе критика историйĕн кĕске очеркĕ (1956–1970) / В. С. Эзенкин. – Шупашкар : Чăв. патш. ун-чĕ, 1989. – 78 с. Эзенкин, В. С. Теоретические основы чувашской литературной критики: 1917–1970-е годы / В. С. Эзенкин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 200 с.

По проблемам литературоведения региона имеется солидная монография А. Закирзянова, выводы которого явились хорошим подспорьем для контекстного рассмотрения тех или иных вопросов по теме диссертации⁹. К сожалению, для полного типологического сравнения в ней отсутствуют исследования ранних периодов татарского литературоведения (второй половины XX в.). Кроме того, в монографии ученого аспекты динамики (хода развития, изменения) литературоведения не являются основной целью. Проблеме развития башкирской литературной критики посвящена диссертация С. Инсягуловой¹⁰.

В содержание термина «литературоведение» автором диссертации включены теория литературы, история литературы и литературная критика, а в качестве вспомогательных дисциплин – текстология, атрибуция и др. Эти области литературоведения развивались весьма неравномерно, поэтому их этапы становления целесообразнее рассматривать не в отдельности, а в единой системе всего литературного процесса того или иного исторического периода.

Цель данной диссертации – прослеживание этапов становления современного чувашского литературоведения в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли второй половины XX в., выявление основных факторов его изменения. В соответствии с поставленной целью в диссертационной работе решаются следующие задачи:

- рассмотрение процесса становления чувашского литературоведения по хронологически последовательным этапам;
- изучение внешних и внутренних факторов, оказавших воздействие на ход развития чувашского литературоведения в различные его периоды;
- раскрытие противоречий, существовавших между новаторами и консерваторами в отдельные периоды истории литературоведения;

---

⁹ Закирзянов, А. М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (конец XX– начало XXI вв.) / А. М. Закирзянов. – Казань: Ихлас, 2011. – 320 с.

¹⁰ Инсягулова, С. С. Динамика развития башкирской литературной критики в 1953–1985 годы: проблемы, жанры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Инсягулова. – Уфа, 2011. – 22 с.

- выявление особенностей каждого периода во всех основных областях литературоведения;

- оценка значимости исследовательских работ ученых того или иного периода с точки зрения современных достижений национального литературоведения;

- выявление истоков формирования движущих сил в чувашском литературоведении (научных школ, творчества поэтов и художников слова);

- описание процесса возвращения национальных ценностей, в том числе реабилитации репрессированных и забытых чувашских писателей;

- выделение новых теоретических и историко-литературоведческих концепций в чувашской науке о литературе рубежа XX и XXI вв.

Объектом исследования являются научные труды по проблемам теории и истории чувашской литературы, созданные во второй половине XX в.

Предметом исследования являются внешние и внутренние факторы изменения чувашского литературоведения во второй половине XX в. в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли, противоборство прогрессивных и регрессивных сил в науке о литературе, процесс возвращения национальных ценностей, теоретические и историко-литературоведческие концепции.

Научная новизна определяется системным изучением хода развития (динамики) чувашского литературоведения по отдельным периодам второй половины XX в., выявлением внелитературных и внутрилитературных факторов его изменения в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли. На основе современных теоретических и методологических достижений отечественного литературоведения впервые:

- описываются социокультурные и общественно-политические предпосылки изменений в чувашском литературоведении второй половины XX в.;

- выявляются особенности каждого периода всех областей литературоведения в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли;

- производится внеклассовая оценка историко-литературных явлений и творчества писателей;
- прослеживаются пути формирования новых научных и литературно-творческих школ, внесших свой вклад в чувашскую литературоведческую мысль;
- описывается процесс возвращения традиционных ценностей чувашского народа и произведений незаслуженно забытых писателей.

В диссертации в научный оборот введены многие архивные материалы, которые до настоящего времени оставались не изученными и не изданными.

Теоретической и методологической основой исследования являются труды М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, И.Г. Неупокоевой, Ю.Б. Виппера и других отечественных ученых по проблемам истории и теории сравнительного литературоведения, работы региональных исследователей Ю.Г. Нигматуллиной, Р.К. Ганиевой, Д.Ф. Загидуллиной, А.М. Закирзянова, В.Р. Аминовой, Ю.М. Артемьева, авторов концепции коллективного труда «История чувашской литературы XX века» В.Г. Родионова¹¹, Г.И. Федорова¹² и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1956–1969 гг. «советоцентричные» литературоведы пытались полностью избавиться от «национального» в чувашской литературе, в том числе и народной поэзии. Их усилиям упорно противостояли писатели старшего поколения, а также молодые ученые из Казанской литературоведческой школы.

2. В художественной практике ряда молодых поэтов 1956–1969 гг. обнаружилось нетрадиционные литературно-теоретические взгляды и позиции, выходящие за рамки официально признанного соцреализма. Они на смену «плакатной» предвещали приход совершенно новой, модернистской культуры. В указанный период проблемы создания новой истории чувашской литературы не были

---

¹¹ Родионов, В. Г. История чувашской литературы XX в. (Концепция) / В. Г. Родионов // Чуваш. гуманитар. вестн. – 2010. – № 5. – С. 104–121.

¹² Федоров, Г. И. К проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века»: некоторые размышления / Г. И. Федоров // Чуваш. гуманитар. вестн. – 2010. – № 5. – С. 122–137. Его же. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов / Г. И. Федоров. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 303 с.

разрешены по той причине, что в те годы полностью совпали интересы как официальной власти, так и «советоцентричных» литературоведов и критиков.

3. В 1970–1979 гг. теория чувашской литературы развивалась весьма неравномерно: наиболее зыбкими оказались представления о «недоразвитости» словесного искусства целого ряда народов СССР. Чувашское прогрессивное литературоведение данного периода, упорно преодолевая сопротивление консерваторов, постепенно освобождалось от подобного «иерархического» подхода к культурам народов СССР.

4. В 1979–1986 гг. в чувашском литературоведении, как и в самой литературе, происходил процесс возвращения к национальным традициям и истокам художественно-поэтического сознания. Наличие подобного процесса в литературах и других народов региона указывает на его типологический характер. Подъем национального начала в литературах региона тесно связан с разрушением прежних ценностей и канонов в культуре, в том числе и метода социалистического реализма.

5. В 1987–1993 гг. получили право на существование нереалистические творческие течения и школы (авангардизм, этнофутуризм и др.). В чувашском литературоведении была разработана методика комплексного изучения устного и письменного текстов именно в контексте региональных культур. Ученые постепенно приходят к бахтинской идее диалога культур, к новым возможностям ее применения, смело вторгаясь в пространство пограничья других гуманитарных дисциплин.

6. Возвращение литературного наследия в активный фонд современной культуры народа заставило академических литературоведов по-новому осмыслить историю и теорию чувашской литературы, прежде всего дореволюционного периода. Чувашская литература поистине обрела свои исконные корни. Начался процесс перехода от изжившей себя культурной и научной парадигмы к новой, соответствующей требованиям современности и отвечающей на вызовы совершенно незнакомого советским людям мира.

7. В 1994–2000 гг. чувашские литературоведы активно стали использовать герменевтический подход, изучать

нереалистическую поэзию нетрадиционными методами, в том числе теорией читательского восприятия. На фоне отсутствия в те годы четких научно-теоретических и методологических ориентиров ярко выделились научные труды Г. Федорова, который, развивая теорию М. Бахтина, выдвинул концепцию взаимодействия Художника и Автора. Его изыскания подняли чувашскую научно-теоретическую и литературно-историческую мысль на уровень общеевропейского литературоведения.

8. В 1990-е гг. началось системное изучение родов и видов чувашской литературы, ее жанров в исторической динамике, категорий комического и трагического. Был разработан ряд концепций будущей академической и вузовской «Истории чувашской литературы». На их основе создавалась концепция теоретической «Истории чувашской литературы XX века».

Практическое значение работы. Основные положения диссертационного исследования и его выводы могут быть использованы в дальнейших поисках по выявлению особенностей развития теории и истории чувашской литературы в контексте региональных литератур, при написании второй части коллективной монографии «История чувашской литературы XX века», а его результаты – в разработке школьных и вузовских программ, лекций, спецкурсов и учебных пособий по истории чувашской литературы XX в. Они помогут выработать методику проведения динамического анализа литературного процесса в будущем.

Апробация результатов. Основные положения и результаты исследования изложены в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах ВАК при Минобрнауки РФ: «Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева» (Чебоксары, 2013), «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2015), озвучены в докладах и выступлениях на международных, всероссийских и межрегиональных конференциях. Кроме этого, материалы исследования напечатаны в журнале «ЛИК» и в коллективной монографии «История чувашской литературы XX века. Часть 1 (1900–1955 годы)». По теме диссертации опубликовано 17 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с соответствующими разделами, заключения и списка

использованной литературы. Последовательность глав отражает исторические этапы становления современного чувашского литературоведения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, раскрывается степень ее изученности, формулируются цель и задачи, обозначаются объект и предмет исследования, определяются методологические установки научной работы, обосновывается ее теоретическая значимость, а также приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Чувашское литературоведение 1956–1969 годов в контексте отечественного литературоведения»** содержит пять разделов. В первом (*«Проблемы метода изучения истории чувашского литературоведения»*) рассматриваются вопросы внутрилитературных и внелитературных факторов развития литературного процесса, а также затронуты проблемы его периодизации. В основу диссертации легли теоретические и методологические разработки авторов концепции коллективной монографии *«История чувашской литературы XX века»*. В главе основное внимание направлено на сравнительное изучение национальной литературы с другими видами искусств, а также сопоставление с литературно-эстетическими разработками региона и страны. Еще не исчерпаны возможности типологических сравнений, позволяющих изучить как внутрилитературные явления, так и внелитературные факторы развития. К последнему относятся социокультурная жизнь общества, общественное сознание, в том числе и национальное сознание в форме *«кристаллизации национальной идеи»* (К. Султанов).

В разделе *«Реабилитация чувашеведческих наук и целого ряда писателей»* прослеживается процесс возвращения чувашского литературоведения как науки в контексте остальных чувашеведческих научных дисциплин. Основные труды М. Сироткина, основателя чувашской социологической школы литературоведов, были написаны до начала хрущевских *«оттепелей»*. Поэтому они ориентировались на устаревшие в те годы теоретические положения, что осложняло литературную жизнь и затормаживало естественный ход развития чувашского

литературоведения в последующие годы. На литературный климат отрицательно влияли и вульгарные социологи 1930-х гг., постоянно проявлявшие свою агрессивность в области «выявления» инакомыслия и национализма.

В третьем разделе (*«Борьба литераторов за сохранение родного языка и национальной формы культуры»*) показаны конкретные действия этноцентричных писателей и литературоведов против сторонников строителей нового общества без национальных различий, с общей культурой и языком. Защитниками национальной идентичности в Чувашии выступили С. Эльгер, П. Хузангай и другие талантливые писатели. Категорию «интернациональное» они понимали как «общечеловеческое», без примеси космополитического содержания. В указанные годы Г. Ломидзе предложил известную формулу о «единстве и многообразии советской литературы», в которой национально-гуманистическая ценность литературы признавалась ценностью общечеловеческой.

В разделе *«Поиск литературоведческих ориентиров. Г. Хлебников»* выявляются различные тенденции, которые проявились в 1960-е гг. Тогда чувашское литературоведение успешно развивалось в тех своих областях, где меньше политики и мировоззренческой оценки. Яркий представитель Казанской литературоведческой школы Н. Гуляев смело разрабатывал проблемы художественного метода, прежде всего романтического типа творчества. Ряд положений известного теоретика наблюдается в трудах Г. Хлебникова, выпускника КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина. На основе своей диссертации ученый в 1966 г. издал монографию «Чувашский роман», которую следует считать научным трудом совершенно нового уровня мышления и анализа. Литературовед стремится обнаружить прежде всего художественные аспекты произведения, всячески избегает терминологии вульгарных социологов, опирается на научные разработки отечественных (В. Днепров, В. Кожинова) и зарубежных (П. Декса) исследователей, при этом с некоторыми из них входит в открытый диалог. В своей монографии Г. Хлебников впервые выдвинул идею о том, что в поэме К. Иванова «Нарспи» отразились и мифопоэтический этап развития литературы, и краткий период романтизма, и период критического реализма в своеобразном переплетении с чертами

реализма эпохи Возрождения. (В 1980-е гг. данную позицию литературоведа поддержал и укрепил молодой исследователь С. Александров.) Благодаря научным изысканиям Г. Хлебникова чувашское литературоведение 1960-х гг. сделало определенные шаги в сторону литературной эстетики и художественности. Его оппоненты поддерживались местной партийной номенклатурой, что выражалось в постоянной травле ученого в периодической печати. На стороне прогрессивного ученого оставались лишь талантливые писатели, благодарные ему за объективность и принципиальность в оценке художественных произведений.

В разделе *«Нетрадиционные научно-теоретические позиции в практике молодых чувашских художников слова»* рассматриваются творения отдельных поэтов, в которых выявляются их определенные теоретические взгляды. Так, в творчестве Г. Айги сюрреалистические элементы начинают преобладать с 1956 г. Именно в те годы он находит чувашский вариант понятия «чудо» (чув. *кётрет*) и вводит его в свои стихотворения. Современную чувашскую поэзию он считал устаревшей, его идеалом новой поэзии были творения французских поэтов Бодлера и Элюара. С этих позиций он критиковал творчество многих современных чувашских поэтов, тем самым желая создать новую поэзию на основе обновленного синтаксиса, метроритмики и стиля. Так начиналась новая волна чувашского модернизма второй половины XX в. Период оттепели способствовал обновлению чувашской поэзии, которое заключалось в отказе ряда поэтов от традиционной метроритмики, фабульности и шаблонной образности. Лирическое «Я» в их стихотворениях стало более свободным и индивидуальным, требующим от читателя усиленного внимания к сцеплению рядом стоящих образов, угадыванию их тональности и звучанию полутонов. Процесс реабилитации чувашских писателей тогда был приостановлен, но творческая молодежь тайно читала и знала труды Г. Комиссарова (Вандера), произведения А. Милли и М. Юмана, другую запрещенную в те годы литературу. Своеобразным историко-поэтическим событием стало издание антологии французской поэзии в переводе Г. Айги, через которое читателям прививалось чувство толерантности, терпимого отношения к разным поэтическим течениям, школам и направлениям, метроритмическому разнообразию, что было

чуждо сторонникам «плакатного искусства» (Г. Айги) того времени. К новой чувашской поэзии того времени приобщались некоторые чувашские художники, прежде всего А. Миттов, на которого поэзия Г. Айги оказывала неоднозначное влияние. Айги-европоцентрист считал, что формы «народно-национального искусства» являются лишь экзотическими и внешними, поэтому творчество своего друга-художника относил к экзотическому периоду, а серию его картин «Нарспи» – высокому уровню обычного иллюстративного искусства. А. Миттов изначально был востокоцентристом и чувашефилом, несмотря на академически-европейское образование. Не принимавший слишком абстрагированное (безнациональное) искусство, художник никогда не был в «этнографизме» в его экзотическо-примитивном значении. Он воссоздал в своем творчестве картину чувашского мира через изображение обрядовых действий, костюмов и этноспецифические символы. Таким образом, на стыке поэзии и изобразительного искусства в чувашской культуре шел интенсивный поиск национальной формы и содержания, обнаружились европоцентристские и чувашецентристские взгляды на теорию искусства и литературы, которые зачастую на практике взаимодополнялись, входили в диалог с последующим синтезом.

Глава вторая **«Чувашское литературоведение 1970–1986 годов в условиях застоя и формирования новых школ»** состоит из двух объемных разделов. В первом (*«Литературоведение 1970–1986 годов»*) анализируется литературная жизнь Чувашии, региона и страны в годы застоя и зарождения перестроечных идей и практических действий, роста новых творческих и научных кадров. Традиционное советское литературоведение указанного времени никак не могло обходиться без таких всевластных принципов, как «классовость», «партийность», «народность» и т.д. Сама литературно-художественная практика талантливых советских писателей (русских шестидесятников, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова и др.) заставила литературоведов переосмысливать содержание ряда терминов, отказаться от иерархического построения творческих методов. Но обновление исследовательского инструментария литературоведов советского периода проходило по отдельным регионам неравномерно, зачастую в условиях активного

сопротивления консервативных сил. Наиболее передовым литературоведением в Поволжье в те годы оказалось татарское, на развитие которого плодотворно повлияли идеи казанца Н. Гуляева и азербайджанского ученого А. Гаджиева об особенностях романтического типа творчества, просветительского реализма, о взаимодействии романтизма и реализма. Основными причинами отставания чувашской литературно-теоретической мысли, по мнению диссертанта, явились: во-первых, наличие глубоких корней вульгарно-социологической школы 1930-х гг. (Они и в 1950–1970-е годы оставались авторитетными экспертами Чувашского обкома КПСС.) Во-вторых, застой в литературоведении обеспечивался плохой организацией подготовки научных кадров, не было прилива свежих идей от аспирантов и соискателей. Отставание теоретической мысли чувашских литературоведов отмечалось в работе Н. Павлова «Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики». После издания книги Г. Хлебникова «Современная чувашская литература» (1972) И. Кузнецов обвинил автора в том, что он принцип национального ставит выше принципов соцреализма. Вульгарный социолог не признавал понятия «чувашское видение», считая его противоречащим соцреализму мировидением, но монографию Г. Хлебникова защитили в московской прессе его коллеги из Казанской литературоведческой школы. К тому времени в чувашском литературоведении и критике четко выделились две тенденции: одни придерживались традиционного понимания метода социалистического реализма, признавая лишь принципы классовости и партийности, а национальную специфику видели только в языке. Другие в рамки соцреализма включали проблемы национального своеобразия и ментального характера, романтический тип творчества. Первые причисляли себя к наследникам чувашской социологической школы критиков довоенного времени (в их среде наиболее авторитетными считались И. Кузнецов, В. Долгов и А. Эсхель). После смерти М. Сироткина более молодые из них стали называться «сироткинцами». Вторые же объединились вокруг яркого «оттепельца» Г. Хлебникова, ученика Н. Гуляева и И. Брагинского. Наиболее открытое противостояние между «сироткинцами» и «хлебниковцами» состоялось в 1973 г. на

конференции по теме «Национальное и интернациональное в чувашской литературе и искусстве», на которой новаторы потерпели временное поражение.

В области истории литературы чувашские ученые показали некоторые успехи. Например, коллективную монографию «Чувашская советская литература» (1972) с точки зрения диахронии, исторического среза нужно считать положительным явлением в литературной жизни Чувашии. Синхроническое видение позволяет выявить ее слабые стороны: сильный налет вульгарно-социологической критики 1930-х гг., возвеличивание творчества некоторых тенденциозных и принижение творчества ряда талантливых писателей, табу на имена ряда этноцентричных творцов словесной культуры.

В 1970 г. Е. Владимиров издал книгу «Межнациональные связи чувашской литературы», в которой главным образом рассматриваются русско-чувашские литературные связи. В целом его монография оставляет хорошее впечатление, хотя она имеет немало недостатков методологического характера. Нужно считать, что ее выход несколько сдвинуло застывшее на одном месте академическое чувашское литературоведение.

Совершенно новым словом в чувашском литературоведении тех лет оказался изданный в 1971 г. очерк В. Канюкова «От фольклора к письменности (Ранняя чувашская литература и народное творчество)». Как известно, М. Сироткин начинал чувашскую литературу с 1870-х гг. и называл ее «литературой одиночек», а все те произведения, написанные до появления яковлевской письменности, относил к предыстории литературы. Получалось, что литераторы [Е. Рожанский, Н. Бичурин, Хведи Чуваш, С. Михайлов (Яндуш), В. Лебедев и др.] творили, а самой литературы еще не существовало. В то же время совершенно другой была периодизация Г. Комиссарова, которую М. Сироткин знал прекрасно, но по конъюнктурным и частично политическим соображениям ее не принял (в том случае литература углубилась бы еще на один век, перестав быть «младописьменной»). Дояковлевский период В. Канюков назвал старописьменной литературой, которая, по мнению ученого, берет начало со второй трети XVIII в. и завершается в 1860-е гг. Соответственно, с 1870-х гг. начинается новописьменная литература. В очерке В. Канюков доказывает следующее:

чувашская литература имеет глубокие корни, вплоть до древнеписьменной культуры предков народа. Это углубление привело ученого к старой теории возникновения реализма классического типа. К тому времени А. Васильев обоснованно писал, что в творчестве писателей второй половины XIX в. преобладал просветительский реализм. Оживились споры вокруг нового термина, дебаты продолжались до перестроечных времен, некоторые и сегодня считают, что в чувашской литературе, как отдельной художественной системы, просветительского реализма не было, существовало лишь народно-педагогическое движение. В. Канюков придерживался именно подобных представлений. Заслугой автора книги является и то, что он впервые в яковлевоведении использовал исторический подход, то есть изучил взгляды и творчество чувашского просветителя в аспекте их эволюционного изменения и динамики.

В 1970–1978 гг. чувашское литературоведение обогатилось творческими портретами С. Михайлова (Яндуша), Н. Шубоссинни, С. Эльгера, П. Хузангая, Я. Ухсая, В. Митты. Бывшие московские аспиранты В. Эзенкин и Ю. Артемьев издали кандидатские диссертации в форме научных монографий, основная часть которых работ написана в рамках традиционного литературоведения, без критического разбора историографической литературы. Лишь в книге Ю. Артемьева присутствует полемический настрой исследователя, его открытый спор со своими оппонентами. Таким образом, работы Е. Владимирова, В. Канюкова, Г. Хлебникова и Ю. Артемьева способствовали расширению границ старой теоретической мысли и более глубокому историческому взгляду на литературный процесс. Но время требовало совершенно нового осмысления как теории, так и истории литературы, для чего необходимо было заполнить «белые пятна» в литературоведении, вернуть незаслуженно забытые имена и их произведения, а также подготовить перспективных специалистов. Реализации последних помогал Чувашский госуниверситет, открывшийся в столице Чувашии в 1967 г. Действующее там литобъединение «Сильсюнат» для студентов-филологов стало настоящей творческой и научной лабораторией. К концу 1970-х гг. в результате деятельности бывших сильсюнатцев проблемы чувашского стиха (на фоне общетюркских традиций)

актуализировались на всесоюзном уровне. Это была серьезная научно-теоретическая поддержка поэтов-новаторов Г. Айги, П. Эйзина, А. Аттила и др. Задачи возвращения творчества неугодных вульгарным социологам писателей разрешились лишь в годы перестройки.

В разделе *«Литературоведение 1979–1986 годов»* особое внимание уделено проблеме создания "Истории литературы", основанной на новых методологических принципах, с учетом национальных эстетических открытий. Для чувашского литературоведения 1979 г. стал переломным в том плане, что коллектив литературоведов ЧНИИ (ныне ЧГИГН) приступил к исполнению трех фундаментальных проектов: участие в создании «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода»; составление и издание «Памятников дореволюционной чувашской литературы» (2 тома из 3-х книг); создание коллективной монографии «История дореволюционной чувашской литературы» (1 том). За эти годы чувашское литературоведение в области изучения истории литературного процесса сделало несколько шагов вперед. Во-первых, была восстановлена историческая связь чувашской культуры с древнетюркской и болгарской культурами, языческой обрядовой поэзией средних веков, историческими событиями разных эпох. Во-вторых, возвращена письменная религиозная литература XVIII–XIX вв., реабилитированы многие священнослужители, творившие на родном чувашском языке. В-третьих, без особых усилий вошли в обиход новые, в свое время не признанные учениками М. Сироткина термины «просветительский реализм», «чувашское раннее просветительство» и др. В литературоведении, как и в самой литературе, происходил процесс возвращения к национальным традициям и истокам художественно-поэтического сознания. Подъем национального начала в художественной словесности региона тесно связан с разрушением прежних ценностей и канонов в литературе, в том числе и метода социалистического реализма.

В первой половине 1980-х гг. оживилась и чувашская литературно-художественная критика. Г. Хлебников издал два сборника своих статей, опубликованных в различных чувашских периодических изданиях. Тогда же интенсивно печатался и Ю. Артемьев, один из активных участников живой критики.

В сборник статей «Долг человека» (1980) он включил обзоры современной литературы, размышления о литературной критике и развитии чувашской литературы между последними съездами, анализы о творчестве молодых поэтов. В 1984 г. критик издал очередной сборник статей, куда он включил как статьи о современной поэзии и прозе, так и исследования творчества чувашской литературной классики: К. Иванова, М. Сеспеля, Н. Шелеби, Е. Эллиева, В. Митты и др. Новую книгу критика заметили и в редакции «Вопросы литературы». В 1982 г. Е. Владимиров издал аналогичный сборник под названием «Обретение традиций», где выдвинуты новые теоретические аспекты проблемы взаимоотношения национальных литератур. Сильной стороной книги является то, что творческие положения подтверждаются вдумчивым анализом литературного процесса, использованием конкретных примеров художественного и творческого освоения традиций русской классики чувашскими писателями. Монография стала серьезным, весомым вкладом в чувашское литературоведение тех лет.

В 1980-е гг. особую активность в чувашской литературной критике проявил Атнер Хузангай, сын народного поэта П. Хузангая. В опубликованных статьях он выявлял и подробно изучал новые тенденции в чувашской поэзии, сложившиеся в годы оттепели, творчество поэтов-новаторов (Г. Айги, Г. Юмарта, П. Эйзина и др.). Полученные им в вузе знания в области арабистики дали возможность А. Хузангаю использовать *комплексно-контекстный подход* к исследуемым проблемам. Оставаясь в то же время исследователем и ученым, он почти всегда использовал метафорический язык, тем самым творя, подобно художнику слова, новый зримый мир в образах. В них нет открытой публицистичности и надменного позерства (такой стиль преобладал в чувашской литературной критике тех лет), сотворенные критиком вербальные образы емки и содержательны, требующие повторного возвращения к ним ради полного постижения их глубинной семантики. Его дискурс осуществляется в богатой жанровой палитре литературной критики: обзор, портрет, эссе, рецензия и др. В 1980-е гг. А. Хузангай стал среди чувашской творческой интеллигенции своеобразной знаковой фигурой, символом национального возрождения и приверженцем новой парадигмы литературно-

художественного творчества (модернизм с его разными ответвлениями: мифологизм, авангардизм, импрессионизм и др.). Все перечисленные художественные течения способствовали окончательному разрушению канонизированной эстетической системы – социалистического реализма.

В третьей главе **«Чувашское литературоведение 1987–2000 годов и современные подходы к изучению литературы»** исследуемый период разбит на два последовательных подпериода. Первый раздел (*«Чувашское литературоведение 1987–1993 годов»*) посвящен литературному процессу рубежа 1980–1990-х гг. Именно в условиях борьбы национальной интеллигенции за расширение функции родного языка и возвращение духовного наследия народа, в том числе незаслуженно забытых в годы репрессий и застоя художественных произведений, чувашское литературоведение получило новое дыхание. Воспоминания, письма и подлинные документы, опубликованные в газетах и журналах тех лет, способствовали осознанию масштабов трагедии, поиску главных причин ее возникновения, критическому отношению к деятельности властных структур.

Вызов теряющим поддержку сверху консерваторам (вульгарным социологам, теоретикам соцреализма) бросили молодые литераторы, разоблачая некомпетентность первых в оценке художественных произведений. В те годы получили право на существование нереалистические творческие течения и школы (авангардизм, этнофутуризм и др.). В Чебоксарах ежегодно стали проходить форумы авангардной поэзии Урало-Поволжья, организовывались выставки художников-этнофутуристов.

Возвращение литературного наследия в активный фонд современной культуры народа заставило академических литературоведов по-новому осмыслить историю и теорию чувашской литературы, прежде всего дореволюционного периода. Национальная письменная словесность обрела свои исконные корни: в ее историю удачно были вписаны этапы эволюции художественно-поэтического сознания с раннего средневековья до 70-х гг. XIX в.

В годы перестройки чувашские литературоведы больше стали обращать внимание на проблемы поэтики. Уход от идеологизированности науки привел их к аспектам

художественного содержания, изучению художественной речи и поэтического мира отдельных мастеров слова. В науке о чувашской словесности была разработана методика комплексного изучения устного и письменного текстов в контексте региональных культур. Ученые постепенно приходят к бахтинской идее диалога культур, к новым возможностям ее применения. Чувашские литературоведы показали, что одним из животрепещущих вопросов развития словесной культуры является вопрос о динамике художественного сознания в контексте как социокультурной жизни народа, так и его духовно-религиозного сознания. В литературно-художественной критике на фоне борьбы новаторов с консерваторами происходят качественные изменения. Она постепенно отходит от социологизированных схем, обогащается новыми принципами интерпретации текстов, определяются ее функции и место в социокультурном пространстве чувашского этноса. Ведутся бурные дискуссии о значении теории и практики оперативной (живой) критики, об исторической правдивости субъекта (воображения художника слова) и объекта (архивного документа) и т.д. Таким образом, в 1987–1993 гг. начался процесс перехода от изжившей себя культурной и научной парадигмы к новой, соответствующей требованиям современности и отвечающей на вызовы совершенно незнакомого советским людям мира.

Во втором разделе *«Чувашское литературоведение 1994–2000 годов»* анализируется литературоведческий материал последнего подпериода. Организация научных академических структур в Чувашской Республике (ЧНА, НАНИ) способствовала успешному развитию чувашского литературоведения, прежде всего в области его методологии и методов художественно-поэтического анализа. Аспиранты и докторанты диссертационных исследований обязаны были приводить веские аргументы в пользу избранной концепции, всесторонне анализировать и доказательно критиковать противоречащие ей точки зрения. Эти требования способствовали росту уровня культуры научного диалога. Постепенно формировались литературоведческие школы научных руководителей аспирантов. В 1990-е гг. сложилась чувашская школа литературоведов, основной чертой которой стала ее усиленное внимание к проблемам сравнительного

литературоведения. Началось системное изучение родов и видов чувашской литературы, ее жанров в исторической динамике, категорий комического и трагического. Разрабатывались концепции будущей академической и вузовской «Истории чувашской литературы». На их основе позже была создана концепция теоретической «Истории чувашской литературы XX века».

В раскрытии смысла текстов литературоведы активно стали использовать герменевтический подход, изучать нереалистическую поэзию нетрадиционными методами, в том числе теорией читательского восприятия. Полная свобода в истолковании текстов зачастую позволяла интерпретаторам разрушать целостность художественного произведения и игнорировать роль автора, его позицию в создании текста.

На фоне отсутствия в те годы четких научно-теоретических и методологических ориентиров ярко выделились научные труды Г. Федорова, который, развивая теорию М. Бахтина, выдвинул концепцию взаимодействия Художника и Автора. Ученый доказывает, что теория «ускоренного развития», понимаемая в ее традиционном содержании, не выдерживает серьезной критики. Например, при всей авторитетности русской психологической прозы чувашские мастера слова пытались изобразить жизнь в своих произведениях через лирическое, аллегорическое, иносказание и т.д. Поэтому чувашская проза очень близка к поэтической энергии малых и средних жанров. В основе диалога культур Г. Федоров видит стремление к сохранению «национальной органики» без самоизоляции. Эстетическое мышление прозы в литературах Урало-Поволжья тяготеет к ассоциативно-иносказательному мироощущению, что ярко отражается в их поэтической семантике. Чувашское литературоведение рубежа XX–XXI вв. усилиями таких ученых, как Г. Федоров, оказалось на передовых позициях не только региональной, но и отечественной науки о художественной словесности.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сделаны выводы о этапах становления чувашского литературоведения в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:**

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Минобрнауки Российской Федерации*

1. Родионова, Э. В. Проблема национального в чувашском литературоведении 50–80-х гг. XX в. / Э. В. Родионова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2013. – № 4 (80). Ч. 1. Серия «Гуманитарные и педагогические науки». – С. 131–134.

2. Родионова, Э. В. Особенности развития ивановедения в современном чувашском литературоведении / Э. В. Родионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12, ч. 3. – С. 171–173.

3. Родионова, Э. В. Чувашское литературоведение и критика 1980-х годов: борьба школ / Э. В. Родионова, В. Г. Родионов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12, ч. 4. – С. 177–180.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

4. Родионова, Э. В. Изучение проблем современного ивановедения / Э. В. Родионова // Вестник Чувашской народной академии наук и искусств. – 2015. – № 2. – С. 67–76.

5. Родионова, Э. Чувашское литературоведение и критика в годы застоя (1970–1986) / Эльби Родионова, Виталий Родионов // ЛИК. – 2015. – № 4. – С. 114–147.

6. Родионова, Э. Борьба школ в чувашском литературоведении 1960–1970-х годов / Эльби Родионова, Виталий Родионов // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (14–17 окт. 2015 г.). – Казань, 2015. – С. 434–437.

7. Родионова, Э. В. Итоги и перспективы современного ивановедения / Э. В. Родионова // Константин Иванов и чувашский мир (в контексте национальных культур) = Константин Иванов тата чăваш тĕнчи (наци культурисен контекстĕнче) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Чебоксары, 27 мая 2015 г.). – Чебоксары, 2015. – С. 150–169.

8. Родионова, Э. Чувашская литература в период «оттепели» / Эльби Родионова, Виталий Родионов // ЛИК. – 2015. – № 2. – С. 117–155.

9. Родионова, Э. В. Творчество П. П. Хузангая в условиях политических преследований и репрессий / Э. В. Родионова // Политические преследования и репрессии 1920 – начала 1950-х годов в

судьбах интеллигенции Чувашии : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2014. – С. 128–135.

10. Родионова, Э. В. Вклад П. Хузангая в чувашскую литературно-эстетическую мысль 1950–1960-х годов / Э. В. Родионова // Ашмаринские чтения : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2014. – С. 360–365.

11. Родионова, Э. В. О реабилитации чувашеведческих наук и писателей в 1950-е годы / Э. В. Родионова, В. Г. Родионов // Ашмаринские чтения : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 221–233.

12. Родионова, Э. В. Национальное как проблема чувашского литературоведения : (краткий историографический обзор) / Э. В. Родионова // Сопоставительная филология и полилингвизм : материалы IV Междунар. науч. конф. (Казань, 28–29 нояб. 2013 г.). – Казань, 2013. – Т. 1. – С. 177–181.

13. Родионова, Э. В. Поиск новых литературно-эстетических ориентиров (на материале чувашской поэзии 1917–1922 годов) / В. Г. Родионов, Э. В. Родионова // Особенности концепций творчества в культуре Урало-Поволжья: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2013. – С. 28–45.

14. Родионова, Э. В. Свообразие поэтического мышления чувашей в зеркале восприятия русских писателей и ученых XIX в. / Э. В. Родионова, В. Г. Родионов // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность. – Чебоксары, 2012. – С. 264–272.

15. Родионова, Э. В. Поиск новой метроритмики в поэзии народов Урало-Поволжья / Э. В. Родионова // Хаковские чтения – 2011 : материалы конф., посвящ. 85-летию со дня рождения профессора КГУ В. Х. Хакова. – Казань, 2011. – С. 132–133.

16. Родионова, Э. В. Некоторые теоретические вопросы чувашского литературоведения 50–80-х гг. XX в. / Э. В. Родионова // Проблемы филологии народов Поволжья : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (17–19 апр. 2014 г.). – Москва, 2014. – Вып. 8. – С. 157–162.

Монографии

17. Родионова, Э. В. Педэр Хузангай / В. Г. Родионов, Г. И. Федоров, А. Ф. Мышкина [и др.] // История чувашской литературы XX века : коллектив. моногр. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2015. – Ч. 1. (1900–1955). – С. 369–383.

Родионова Эльби Витальевна

**ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Подписано к печати 12.02.2016. Формат 60 x 84^{1/16}
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 1,5. Заказ № 2. Тираж 100 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1